

1895. 31 марта. № 90.

ЛИТЕРАТУРНАЯ БЕСЕДА.

Въ первыхъ книжкахъ нашихъ журналовъ за этотъ годъ помѣщено нѣсколько писемъ, частью законченныхъ въ двухъ номерахъ, частью увѣщанныхъ всего въ одной книжкѣ. Краткость — есть великое достоинство литературнаго произведенія, и очень немногие писатели обладаютъ умѣньемъ писать кратко, не растягивая своихъ писемъ и романовъ безъ надобности и не переполняя ихъ ненужными подробностями, эпизодами и лицами. Въ нашей литературѣ пальма первенства принадлежитъ въ этомъ случаѣ Тургеневу, маленькіе рассказы котораго иной разъ гораздо богаче содержаниемъ, чѣмъ многіе романы въ нѣсколькихъ частяхъ у другихъ писателей. Но если эту краткостью истерпываются всѣ достоинства произведенія, если при этомъ у читателя, послѣ прочтенія повѣсти, самъ собою и естественно рождается только одинъ вопросъ: зачѣмъ авторъ разсказалъ намъ все это? — и на него не находится никакого отвѣта, тогда, конечно, дѣло совсѣмъ иного рода. Тогда приходится посоветовать автору писать не столь кратко, но за то давать намъ въ своихъ произведеніяхъ какое-нибудь содержаніе, нѣчто такое, что могло бы навести на извѣстныя размышленія, заставить насъ задуматься надъ тѣмъ или инымъ житейскимъ явленіемъ.

Такия мысли пришли мнѣ въ голову при чтеніи повѣстей, напечатанныхъ въ началѣ этого года въ «Русскомъ Вѣстникѣ», «Русской Мысли» и «Сѣверномъ Вѣстникѣ», и особенно въ некоторыхъ изъ нихъ.

Въ журналѣ «Русская Мысль», въ январьскомъ и февральскомъ номерахъ помѣщено повѣсть г. Чехова «Три года». Содержание ея состоитъ въ томъ, что богатый московскій купецъ Лаптевъ, человѣкъ образованный, но забитый, безвольный и робкій, женится на бѣдной двушкѣ, провинціалкѣ, дочери уезднаго дѣкаря, который выходитъ за него безъ любви, и они живутъ потомъ въ Москвѣ, проводя время — она въ увеселительныхъ прогулкахъ и посѣщеніи театровъ, а онъ — въ постоянныхъ ревнивыхъ мученіяхъ и чтеніи книгъ. Выходитъ дѣло тѣмъ, что Лаптева почему-то начинаютъ мучать трехъ лѣтъ любви мука, а онъ почему-то къ ней охлаждать. При этомъ, между прочимъ и, такъ сказать, по пути, г. Чеховъ разсказываетъ нѣкоторые другіе эпизоды изъ жизни Лаптевыхъ и близкихъ къ нимъ людей: о смерти сестры Лаптева Панауровой, о легкомысленномъ поведеніи ея мужа и его путешествіи въ купо вагоновъ въостѣ съ Лаптевою, куда онъ ѣдетъ въ отпускъ. Но

[illegible]

Въ тѣхъ же номерахъ другого большого и серьезнаго журнала «Русскій Вѣстникъ» помѣщена повесть г. Бартошевскаго «Разладъ», повесть тоже необычайно коротенькая, особенно принимая во вниманіе громадность замысла, съ которымъ она написана. Если г. Чеховъ имѣлъ намѣреніе раскрыть передъ читателемъ въ своемъ разсказѣ сложный психологическій миръ цѣлаго ряда лицъ, и показать его безчисленные изгибы, уклоненія отъ нормальнаго пути, такъ сказать, копируя при этомъ Достоевскаго, то г. Бартошевскій, повидимому, задумалъ порисовать съ вопросомъ о нигилизмѣ, социализмѣ, анархизмѣ и друг. предныхъ «силахъ», показавъ, какъ губить люди вредныя увлеченія эти. Какъ прекрасная, но въ художественномъ произведеніи она не можетъ достигаться только художественными средствами.

Содержание Разлада состоитъ изъ сдвинутой Пыли и впечатлительная ба-
рабанная въ дурного общества города и в

Давно порочная привычка этого человека утратила интереса, возмущала ее сурово, и потому въ каждой из кружек, замешанных политическим интересом, отдала на эту долю все свое состояние и отъ притомъ-считала безъ любви сначала съ однимъ, а потомъ съ другимъ, и третью агитатора-ми, пова, наконецъ, не попала въ Парижъ въ сожительство съ ничиннымъ административнымъ, который надвигался надъ нею, была ее и погналъ въ чадотку. Между тѣмъ, Бобринцевъ, утѣшивъ возбуждаемыя мечтательнымъ голодомъ и соблазнами съ истиннаго пути, самъ не участвовавъ, однако, ни въ какихъ кружкахъ, а напротивъ того, получивъ большое наследство, сдѣлался вполне благонамѣреннымъ гражданиномъ и, не переставая любить свою бывшую ученицу, отпиривалъ развѣивать ее въ Парижъ. Но тутъ происходить уже нѣчто совсѣмъ странное. Прибывъ въ Парижъ и найдя тамъ свою Машу, онъ сначала сгораеть отъ страстнаго желанія обладать ею, а потомъ, когда она, потрясенная свиданіемъ съ нимъ и его ревнивыми обличеніями, сходитъ съ ума—увлекается ея сестрой, которая, въ свою очередь, увлекается имъ и выходитъ за него замужъ. Сестра эта тоже совершаетъ удивительныя вещи. Сначала выходитъ по волю родителей замужъ за офицера князя Суздальскаго, потомъ, когда узнаеть, что у ея мужа есть другая семья и дѣти, притѣя еще до свадьбы, увлекается въ Парижъ, добровольно уступая свое мѣсто любовнице Суздальскаго и ея дѣтямъ, и тамъ выходитъ замужъ за Бобринцева. Мужъ ея, Суздальскій, по оригинальности своего поведенія не уступаетъ ей. Онъ не любитъ ее и жепится, какъ это у насъ часто бываетъ, по желанію родныхъ, но не бросаетъ своей гражданской жены, Настіи, и долго живетъ на два дома, дѣля свои мысли и заботы между женой и Настіей; потомъ, по отъѣздѣ жены, онъ охладѣваетъ къ Настіи и начинаетъ любить жену; потомъ тоже ѣдетъ въ Парижъ, собираетъ тамъ стрѣляться изъ-за жены съ Бобринцевымъ, но вмѣсто этого рѣшаетъ, по совѣту одного изъ секундентовъ, представить дѣло жеребью и, выигнувъ неудачный жеребій согласно условію, увлекается въ Америку, куда беретъ съ собою и Настію, и дѣтя.

Вот какое богатство события и приключений вытекает из Бартошевский из 70 страниц своей повести, и, несмотря на это, она суха и неинтересна до крайности, потому что все в ней, начиная с этого богатого содержания и кончая дьявольскими ли лицами, до крайности фальшиво, неестественно и дьявольски. Нет в ней ни психологической, ни общественной, ни бытовой правды, нет ничего художественного, яркого, живого. Крайнюю нить проходить лишь один страдания автора что-то такое

Киевлянин.

1895. 31 марта. № 90.

С.А.

сказать, рассказать. Нет, в этой повести — своего рода, оригинального даже для протеста. Было только, что автору не стоило писать с одной стороны Лизы Гурьевой и с другой — Димы и «Помы», а с другой стороны Лизы «Долгого Не-любим». Но не только до первого, а и до второго из них еще очень далеко.

Вряд ли лучше и сильнее повестей г. Гиннуса «В гостинной и людской», помещенной в февральской книжке «Вестника Евры». Рассказы этот несколько напоминают собою роман г. Северина «Танкиндарьера», о котором мы приходим рассуждать с читателями в истекшем 1894 году. Название отчасти определяет уже и его содержание. Это повесть из жизни петербургской прислуги. Героиня ее — красивая Лиза, а герой — солдатик из гарнизона Лаврентий Корвин. Между ними завязывается роман, кончающийся рождением ребенка, и Корвин искренно готов поправить свой грех женитьбой на Лизе, хотя ему хорошо известно, что опыты не первого ее слабостью. Но судья рѣшает дело иначе. Корвин кончает службу и ъдет домой, на родину, где у него отец — старовѣр — силою женит его на богатой крестьянке. Тотчас после свадьбы Корвин опять является в Петербург, приходит к Лизе и умоляет ее простить его и жить с ним. «Лиза», говорит он, вотъ Богомъ клянусь, я отъ тебя никогда не отстану. У меня много хорошее, возьмемъ Витьку (ребенка) къ тебѣ и будемъ жить вѣчно вмѣстѣ... И зай, если ты мнѣ не покорилась — ни мнѣ ни тебѣ не жить... Но Лиза упрямая, настойчивая и своенравная, какъ истая петербургская горничная, берущая во всемъ приѣздъ «съ господъ». Къ тому же, она и самодовольна очень. Жить съ Корвиннымъ просто въ качествѣ его любовницы — кажется ей обиднымъ, и она прогоняетъ его, прогоняетъ разъ, другой, третій. Дело кончается трагически. Корвинъ, вызвавъ Лизу однажды на балетную на «два слова», зарѣзалъ ее.

Кромѣ этихъ главныхъ персонажей, въ рассказѣ выведено еще несколько эпизодическихъ: землячка Корвина, влюбленная въ него старовѣрка, горничная Агаша — толстая, дѣвочка-подростокъ, подгорничная при Лизѣ Агаша — маленькая, дворничъ Лазарь, какая-то темная личность — чиновникъ Анна Мавриковна и ее дочки Зойка, Ольга, Лелька и Сонька, танцующія зной въ пантлѣ, а дѣлать въ зоологическомъ саду въ раздѣльныхъ фееричѣхъ и тѣмъ зарабатывающія себѣ на хлѣбъ, и т. д.

Рядомъ съ этими лицами, действствующими «въ людской», мы встрѣчаемъ у г. Гиннуса и чету «господъ» Бемъ, действствующую «въ гостинной». Обойти интереса ни

только, но и потому Бемъ не притомъ, а въ томъ, что въ гостинной, раздѣлахъ кончается въ томъ, что Лиза служить горничной Бемѣ у него, а про- канна раздѣлахъ прогоняетъ на черной дѣстности эту квартиру. Между собой уруги Бемъ живутъ очень скучно, часто ссорятся, жена обвиняетъ мужа «отъ скуки» и легко и скоро впадаетъ любовни- цю. Сменъ «въ гостинной» гораздо меньше, чѣмъ «въ людской», и онѣ почти- часто эпизодическія, вставочныя въ общу- нить рассказа характеры.

Въ общемъ повесть г. Гиннуса произ- водитъ какое-то смѣшное впечатлѣніе. Въ ней мало стройности, лѣтності, не до- стаеи плана и соразмѣрности между от- дѣльными главами и эпизодами. Это все ка- кие-то отрывки, безъ конца и начала, а развязка является далеко не достаточно мо- тивированной, такъ какъ характеръ глав- наго героя — Корвина слишкомъ мало разъ- ясненъ и обрисованъ; но есть въ ней и достоинства. Личность Лизы, напри- мѣръ, безспорно удалась автору; интересъ, возбужденъ того мрака столичной прислуги, бытъ котораго изображенъ въ большей ча- сти повести, воспроизведены чертами весь- ма характерными и типическими. Это вѣ- чное стремленіе подражать господамъ, эта жажда внѣшней порядочности рядомъ съ ду- ховною и матеріальною бѣдностью, даже нищетой — которой проникнуты и Лиза, и весь ее кружокъ знакомыхъ — горничныхъ, кухарокъ, дворничковъ и лакеевъ — все это взято прямо изъ жизни, глубоко, правдиво и вѣрно дѣйствительности. Хорошо и уда- чно подмѣчена и оригинальная черта г. жи- Бемъ, свойственная многимъ скучающимъ петербургскимъ дамамъ — ея интимность съ горничной и тотъ интересъ, который она обнаруживаетъ къ жизни людской со всѣми ея смѣтными и грязноватыми иной разъ подробностями, а въ некоторыхъ отдѣльныхъ сценахъ рассказа прямо таки отличаются на- стоящей художественностью и показываютъ въ авторѣ человека съ дарованіемъ и при- томъ наблюдательнаго.

Манера у г. Гиннуса несколько напо- минаетъ г. Боборыкина, которому онъ какъ будто подражаетъ. Главы какъ-то уль очень неожиданно обрываются, и каждая сабдущая глава начинается будто бы съ середины, напр.: «Вонючъ салдовалъ за- зянокомъ», или «Петръ Петровичъ зажалъ уши и взглянулъ на потолокъ». Но это не портитъ впечатлѣній, не вредитъ дѣлу, и повесть г. Гиннуса обладаетъ, такимъ об- разомъ, и — кромѣ краткости — несомнѣн- нымъ достоинствомъ.

Этого, въ сожалѣнію, далеко нельзя сказать о небольшой повѣсти «Слѣтня» г. С. Фонизина, помещенной въ январской и февральской книжкахъ того же «В. Ев- ропа». «Слѣтня» тоже коротка, но когда

онъ читалъ, то кажется, что въ немъ и больше, въ такой степени интригующе, а такъ интригуетъ и интрига, которая интрига, интрига интригуетъ интригу съ интригой, въ основу котораго положено событие не толь- ко незамысловатое, но даже просто изъ- вѣстное. Дѣло заключается въ томъ, что одинъ очень безразличный и очень земоническій мушкетеръ изъ большого столич- наго свѣта распустилъ въ обществѣ про- одну очень невинную и очень интересную во всѣхъ отношеніяхъ даму позорящую ее доброе поведение слухи, что мужъ этой да- мы, горячо ее любящій и во всемъ ей по- вѣряющій, на этотъ разъ вѣрить не ей, а этимъ слухамъ, и что, наконецъ, сама да- ма, выведенная изъ терпѣнія, идетъ къ ви- новнику оскорбительныхъ слуховъ, никогда получившему отъ нея пощечину, чтобы про- сить у него прощенье, и застрѣливаетъ его изъ подвернушагося подъ руку револьве- ра. Какъ видите, что-то такое странное, престранное, чему еще издавна подобрано мѣткое названіе «слуха» въ рѣшетѣ.

Нельзя также причислить къ особенно удачнымъ произведеніямъ и повесть г. Са- вича «Анна воинъ», помещенную въ первой книжкѣ «Севернаго Вестника», хотя въ ней есть и правдивыя странички, доволь- но вѣрно изображающія крестьянскій бытъ и русскую деревню съ ея нуждой, прак- тическими взглядами на трудъ и даровые хлѣ- ба, съ ея нравственною и умственною тѣмой и убожествомъ.

Подводя, такимъ образомъ, итогъ всему тому, что уже окончено печатаніемъ въ журналахъ этого года, и сдѣлавъ бы большую ошибку, если бы не указавъ еще и двѣ повести: «Хозяинъ и работникъ» — Л. Н. Толстого въ мартовской книжкѣ «Севернаго Вестника», о которой и побѣдую подроб- нѣе въ другой разъ, и переводной съ поль- скаго эскизъ — Оржешиковой «Великій» напечатанный въ «Русской Мысли» за ян- варь мѣсяцъ. Рассказъ этотъ бесспорно ин- тересенъ и бесспорно выдѣлается изъ того, что приходилось и приходится читать за последнее время. Но силъ и глубины психическаго анализа, и отчасти и по- мышленію своему онъ напоминаетъ собою и вѣстный рассказъ Короленко «Слѣтня и выжить» и читается съ удивительною ин- тересомъ. И назвалъ его эскизомъ, по- тому, что онъ какъ будто не оконченъ и с- таиваетъ по себѣ такое впечатлѣніе, ч- не законенъ. Будетъ продолженіе или нѣтъ, но въ этомъ видѣ онъ представляетъ оче- нѣнный скелетъ въ литературу и еще ра- говорить въ пользу таланта г. Орже- шкиной художественнаго чутка ея.

В. И. —